

Глава 3

Чу Лянмин не сразу нашелся с ответом. Когда же смысл сказанного наконец дошел до него, он инстинктивно скрестил руки на груди, словно защищаясь.

Цинь Шу посмотрел на соседа без тени эмоций.

— Мужчину. И чтобы был красивым, — каждое слово он произнес отчетливо и веско.

— Понял, — выдавил Чу Лянмин. — Моя самооценка официально вышла из чата. Спасибо.

Глядя на невозмутимого, как скала, Цинь Шу, Лянмин невольно подивился про себя. Вот уж действительно — лучший студент: даже каминг-аут совершает с таким видом, будто зачитывает доклад на конференции.

— Дружище, твои критерии выбора партнера явно выходят за рамки моих скромных возможностей. Тут я тебе не помощник. Но с твоими-то данными, думаю, долго искать не придется.

Цинь Шу неопределенно хмыкнул, погружившись в свои мысли. Его занимал лишь один вопрос: как, черт возьми, ему познакомиться с Чэнь Шаном?

На Чу Лянмина вдруг нахлынуло странное чувство вины. Глядя на разложенные на столе книги — сплошь возвышенное чтиво об «искусстве любви», — он внезапно воодушевился. Подавшись вперед, он заговорщицки прошептал соседу на ухо:

— Слушай, а ты «кино» какое-нибудь смотришь? Ну, в смысле, обучающее?

Лицо Цинь Шу выразило категорический отказ.

— Не смотрю.

Цинь Шу в своей прошлой жизни прожил недолго, но и совсем уж невеждой в таких делах не был — по крайней мере, «картины, изгоняющие огонь», видеть ему доводилось. Однако в те времена нравы были строгими, и подобные материи считались глубоко личными, о них не принято было распространяться.

Был у него когда-то дальний родственник по линии клана: к императорским экзаменам тот был делом совершенно равнодушным, зато в праздности преуспел. Не вылезал из борделей и чайных домов, не гнушался никем, а в итоге и вовсе сложил голову в пьяной драке из-за ревности.

Человеком этот дядюшка был сомнительных качеств, но вот в искусстве «весенних картин» равных ему не находилось. Кое-какие из его работ до сих пор хранились в музеях.

Цинь Шу наткнулся на них, когда изучал исторические архивы. Изначально он надеялся отыскать хоть какие-то следы своего рода, но время — река беспощадная: за сотни лет всё изменилось до неузнаваемости. Поистине — после дома Цинь не осталось ни весны, ни осени.

Позже, проработав в Преисподней несколько столетий, он волей-неволей наблюдал за развитием человечества, но воспитание благородного мужа пустило в нем глубокие корни. Он инстинктивно сторонился любой вульгарщины.

И теперь, глядя на всю эту стопку книг об отношениях — в том числе и об однополый любви, — он хоть и сохранял внешнее спокойствие, в душе чувствовал себя тем самым дедом из мема, который с недоумением смотрит в смартфон.

Что же до «кино», о котором помянул Чу Лянмин... Случалось, что в браузере всплывали сомнительные кадры, но Цинь Шу тут же закрывал их. Даже мимолетного взгляда хватало, чтобы вызвать у него острое чувство неприязни. Он ни секунды не сомневался: решишь он посмотреть такое целиком, его бы точно стошнило.

Чу Лянмин, встретив его суровый взгляд, капитулирующе поднял руки. Однако, вернувшись в комнату и немного поразмыслив, он всё же нашел несколько не слишком откровенных артхаусных фильмов и переслал их соседу.

«Сделал всё, что мог. Не благодари!» — гласила приписка к сообщению.

Глубокой ночью Цинь Шу и Чу Лянмин оказались на улице баров.

Атмосфера здесь была особенной, резко контрастирующей с тишиной соседних кварталов. Неоновые огни и пестрые вывески разрезали тьму, заливая всё вокруг ядовитыми красками. Казалось, грань между ночью и днем стерлась, уступив место какому-то причудливому, зыбкому полумраку.

Люди, приходившие сюда, словно сбрасывали оковы, запечатанные в глубине души: одни предавались безудержному веселью, другие погружались в еще более глубокое одиночество.

— Пришли.

Интерьер бара «Час быка» был выдержан в индустриальном стиле. Вывеска наполовину черная, наполовину белая, а остальные элементы — темно-серые. Глядя на такое сочетание, Цинь Шу едва заметно смягчился взглядом.

Чу Лянмин как раз уловил этот момент. Цинь Шу явно никогда не бывал в таких заведениях, так почему же в его глазах промелькнула тень ностальгии? Лянмин засомневался, не померещилось ли ему.

— Что такое? — любопытствовал он.

— Цветовая гамма... — Цинь Шу на мгновение задумался. — Очень напоминает Преисподнюю.

Лянмин на мгновение лишился дара речи. Он толкнул дверь. Скрип петель заставил его вздрогнуть.

«Действительно, как в склепе», — мелькнула мысль. На долю секунды ему даже показалось, что из-за двери сейчас выпрыгнет какой-нибудь монстр.

Ничего подобного, разумеется, не случилось, но мир за порогом и впрямь оказался не таким, как он себе представлял. Звукоизоляция в баре была превосходной: стоило распахнуть внутренние двери, как на них обрушилась оглушительная волна звука. Ослепляющие всполохи света, извивающиеся тела, грохочущая музыка — всё это сплеталось в единый, дурманящий хаос.

Цинь Шу недовольно поморщился. Чу Лянмин обернулся и что-то крикнул, но его слова утонули в шуме.

Они разыскали охрану, и их провели в угол зала. Лян Вэйдун, вдрызг пьяный, растекся по дивану, пребывая в полном беспмятстве.

Когда им позвонили, Вэйдун уже лыка не вязал, а теперь, видя его в таком состоянии в полном одиночестве, несложно было догадаться — подружка его бросила.

От Лян Вэйдуна за версту несло перегаром. Чу Лянмин, вздохнув, принялся его поднимать. Пьяное тело было тяжелым, словно налитое свинцом.

— Ну и удружил ты нам, — проворчал Лянмин.

Цинь Шу поблагодарил охранника и взял у подошедшего официанта счет. Список выпитого был внушительным. Цинь Шу бегло просмотрел его: больше восьми тысяч юаней.

Вэйдун был из обычной семьи, и просадить за один вечер стипендию за целый семестр — это надо было умудриться. Цинь Шу оплатил счет, и, подхватив соседа с другой стороны, они вдвоем потащили его к выходу.

Грохочущая музыка внезапно сменилась более спокойной, ослепительный свет померк, и

вскипевший мозг Цинь Шу наконец получил долгожданную передышку.

— Цинь Шу, глянь туда!

Цинь Шу проследил за взглядом Лянмина. Меньше чем в двух метрах от них мимо проходил парень с ярко-рыжими волосами, картинно покачивая бокалом. Мутная взвесь в напитке постепенно растворялась, становясь прозрачной. Парень с лисьей ухмылкой протянул бокал молодой девушке, только что вышедшей с танцпола.

Девушка обменялась с ним парой фраз и уже поднесла бокал к губам, когда чья-то рука пресекла её движение. Она удивленно проследила за этой рукой, и глаза её изумленно расширились.

— Я бы не советовал это пить.

Рыжий недобро прищурился:

— А я бы советовал тебе не совать нос в чужие дела.

Цинь Шу еще раз взглянул на девушку и, развернувшись, направился к выходу.

На втором этаже Сун Яньхуэй, наблюдавший за сценой, усмехнулся:

— Вечно они находят приключения на свою голову. — Он подозвал менеджера и распорядился:
— Присмотрите там за ними, чтобы без эксцессов.

В конце коридора показались Сунь Хао и Чэнь Шан.

— Девятый, я, пожалуй, поеду, — бросил Чэнь Шан.

Сун Яньхуэй знал его привычки. Хоть тот уже и был совершеннолетним, и старший брат Чэнь перестал опекать его столь рьяно, многолетняя привычка давала о себе знать: Чэнь Шан не любил оставаться на ночь вне дома.

Яньхуэй подвел его к перилам, предлагая взглянуть на зал.

— Погоди немного. Внизу намечается небольшая заварушка, посмотри — это интереснее, чем дорога домой.

Чэнь Шан мельком глянул вниз, и взгляд его внезапно застыл.

Белая рубашка, очки в черной оправе, застегнутый на все пуговицы воротник — этот облик, столь неуместный в подобном заведении, врезался ему в память. Это был тот самый парень, которого он встретил у ворот университета.

Кан И, сопровождавший сегодня клиентов, заметил компанию и направился к ним, чтобы поздороваться. Дежурная улыбка уже застыла на его губах, но не успел он и слова вымолвить, как Чэнь Шан вихрем пронесся мимо него.

Следом за ним вниз поспешили Сун Девятый и наследник корпорации «Хунъи». Кан И остался стоять на месте, полностью проигнорированный.

Он проводил их взглядом, криво усмехнувшись про себя.

Цинь Шу, поняв, что девушка не нуждается в его помощи, хотел было уйти, но дорогу ему преградили.

Рыжий отобрал у девушки бокал и ткнул им в сторону Цинь Шу.

— Раз не хочешь, чтобы пила она, — зло прошипел он, — значит, выпьешь ты.

Цинь Шу посмотрел на замерший у его лица бокал. Он промолчал, но его взгляд, устремленный на рыжего, был пугающе спокойным. В нем не было ни страха, ни отвращения — лишь ледяная невозмутимость.

Если этот тип решит пустить в ход кулаки, Цинь Шу не испугается. В благородных семьях «шесть искусств» были обязательной программой, и, хоть он и не любил общаться с людьми, всё, что положено знать воину, он усвоил на совесть.

Это тело было крепче его прежнего. Стоит рыжему сделать хоть одно неверное движение, и Цинь Шу научит его, что такое раскаяние.

Рыжий, наткнувшись на этот взгляд, почувствовал себя оскорбленным до глубины души. Он еще ближе поднес бокал к лицу Цинь Шу.

— Что, мне тебя с ложечки покормить? — прорычал он.

Чу Лянмин уже тысячу раз проклял свою несдержанность. Ну зачем было лезть не в свое дело в таком месте! Он передал Лян Вэйдуна подоспевшему официанту и встал плечом к плечу с Цинь Шу. Если дойдет до драки, он подставится под удар первым — он явно покрепче соседа будет.

В его представлении все отличники были пай-мальчиками, которые и мухи не обидят.

Это он притащил Цинь Шу сюда, он же указал на сомнительное пойло — значит, ему и отвечать.

Девушка попыталась схватить рыжего за руку:

— Да ладно тебе, отпусти его!

Эти слова лишь подлили масла в огонь. Он грубо оттолкнул её.

— Тварь, увидела смазливое личико и поплыла? Сегодня он выпьет это. Хочет он того или нет!

Раздалось несколько негромких хлопков. Аплодисменты были не слишком громкими, но музыка внезапно стихла, и в наступившей тишине звук показался оглушительным. Толпа расступилась, пропуская мужчину в белом клубном пиджаке.

Он был чертовски хорош собой, а от его взгляда, казалось, летели искры. Он с ироничной улыбкой смотрел на рыжего — это был Чэнь Шан.

Рыжий не знал Чэнь Шана в лицо, но он не был зеленым новичком. Одного взгляда на его одежду и манеры хватило, чтобы понять: перед ним человек, с которым лучше не связываться. Хмель мгновенно выветрился из головы, уступив место холодному расчету, но пасовать перед толпой было унижительно.

Подросли Сун Яньхуэй и Сунь Хао. Чэнь Шан, не отрывая взгляда от парня в белой рубашке, усмехнулся. Сун Яньхуэй повернулся к рыжему:

— Ого, какие мы смелые. Бросаться такими словами в моем заведении — не самая лучшая идея, не находишь?

Рыжий побледнел. Он, разумеется, знал, кто такой Сун Девятый. Семья Сун поднялась на угле, и говорили, что сердца у них такие же черные, как их товар.

Старый Сун, помимо сурового нрава, славился и своей плодовитостью: шесть жен, больше десятка детей — и все законные. Любой позавидует! Глава семьи признавал только сыновей, и Сун Девятый был его поздним, любимым ребенком.

Как говорится: младший сын и старший внук — корень жизни старика.

Этот бар был собственностью Девятого, хоть он и заходил сюда редко.

Теперь рыжему было не до гордости.

— Прошу прощения, господин Сун, — быстро заговорил он. — Перебрал лишнего, с кем не бывает. Не серчайте. В знак извинения выпью сам. — И он одним махом осушил бокал, в который только что что-то подмешал.

Такие дела в барах — обычное дело. Сун Яньхуэй не собирался раздувать скандал.

— Не смей больше устраивать здесь этот цирк, — холодно бросил он. — Первый и последний раз.

Рыжий, поняв, что легко отделался, поспешно закивал. Прежде чем уйти, он взглянул на Чэнь Шана. Кто он такой — было неясно, но раз Сун Девятый шел позади него, значит, последнее слово за ним.

Чэнь Шан, впрочем, уже не обращал на него внимания. Его взгляд был прикован к юноше. Широкие плечи, узкая талия, рост не меньше ста восьмидесяти пяти... Вблизи он был еще более впечатляющим, чем тогда, у ворот. Природа явно не поскупилась, создавая этот шедевр.

Рыжий стоял между ними, но Чэнь Шан словно смотрел сквозь него, бесцеремонно изучая Цинь Шу.

В этот момент Цинь Шу наконец понял, что же это за «барометр» такой. Над переносицей Чэнь Шана ярко горели алые цифры. Значения на нем постоянно менялись, колеблясь в пределах от двадцати пяти до пятидесяти пяти.

Стоило Чэнь Шану взглянуть на Цинь Шу — и цифры ползли вверх, стоило глянуть на рыжего — и они стремительно падали. «Полезная штука, — подумал Цинь Шу, — настоящий индикатор настроения». Вот только взгляд Чэнь Шана был слишком уж вызывающим.

Внимание всех присутствующих было приковано к ним, а они просто смотрели друг на друга. Рыжий, почуввав неладное, счел за лучшее ретироваться, пока его не заметили. Пробормотав невнятные извинения, он трусливо скрылся в толпе. В ближайшее время он здесь точно не покажется.

Кан И тоже наблюдал за сценой. Видя тот неподдельный интерес, с которым Чэнь Шан рассматривал Цинь Шу, он понял — ему здесь ловить нечего.

Он развернулся и ушел в вип-кабинет. Кан И добился успеха именно потому, что никогда не тратил время на заведомо проигрышные дела.

Снова загрела музыка. Зрители, поняв, что шоу окончено, вернулись к своему безумству.

Цинь Шу вежливо кивнул Чэнь Шану и, подав знак Чу Лянмину, направился к выходу.

Но не успел он сделать и шага, как перед ним возникла рука.

— Я — Чэнь Шан. Познакомимся?

Чэнь Шан чуть вскинул голову, глядя на него снизу вверх. Разница в росте его вполне устраивала. Пока он рассматривал Цинь Шу, тот пожал его руку — ладонь Чэнь Шана была столь велика, что видны остались лишь кончики пальцев гостя.

Руки Цинь Шу были словно вырезаны богом из тончайшего фарфора: бледные, длинные, с четко очерченными косточками. И на ощупь они были прохладными — такими же свежими, как и он сам.

Цинь Шу хотел было высвободить руку, но Чэнь Шан невольно сжал её крепче.

— Ты так и не назвал своего имени.

— Цинь Шу.

Получив ответ, Чэнь Шан нехотя разжал пальцы, но уходить с дороги не спешил.

— Цинь Шу... — медленно повторил он, словно пробуя имя на вкус.

<http://bllate.org/book/16121/1580778>